

А. Ю. Митрофанов

**С благодарностью и сожалением. Очередной спор
на руинах российской византистики.
Ответ на статью В. П. Степаненко «Рецензия на:
Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин
и его стратегия. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2020. — 280 с.»**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_296

Аннотация: Статья представляет собой ответ автора монографии «Император Алексей I Комнин и его стратегия» на рецензию В. П. Степаненко, написанную на указанную работу. В статье последовательно опровергаются изложенные в рецензии многочисленные критические аргументы. Автор исследует обозначенные в работе В. П. Степаненко научные проблемы и в своих выводах ставит под вопрос компетентность рецензента в области внутренней византийской истории, военной археологии номадов и военно-политической истории Средних веков.

Ключевые слова: Алексей I Комнин, Византия, Анна Комнина, «Алексиада», А. Ю. Митрофанов, военная стратегия.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Ссылка на статью: Митрофанов А. Ю. С благодарностью и сожалением. Очередной спор на руинах российской византистики. Ответ на статью В. П. Степаненко «Рецензия на: Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2020. — 280 с.» // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 296–312.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Andrey Yu. Mitrofanov

**With Gratitude and Regret. Another Controversy
on the Ruins of Russian Byzantine Studies.
A reply to the article by V. P. Stepanenko “A Review
of Mitrofanov A. Yu. *Emperor Alexei I Komnin
and His Strategy*. St. Petersburg, 2020. — 280 pp.”**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_296

Abstract: The article is the reply of the author of the monograph *Emperor Alexei I Komnenos and His Strategy* to the review of V. P. Stepanenko. The article consistently refutes the numerous critical arguments presented in the review. The author examines the scientific problems identified in the work of V. P. Stepanenko and in his conclusions calls into question the competence of the reviewer in the field of internal Byzantine history, military archeology of nomads and the military-political history of the Middle Ages.

Keywords: Alexei I Komnenos, Byzantium, Anna Komnina, Alexiad, A. Yu. Mitrofanov, military strategy.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Article link: Mitrofanov A. Yu. With Gratitude and Regret. Another Controversy on the Ruins of Russian Byzantine Studies. A reply to the article by V. P. Stepanenko “A Review of Mitrofanov A. Yu. *Emperor Alexei I Komnin and His Strategy*. St. Petersburg, 2020. — 280 pp.”. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 296–312.

В минувшем 2020 году в сборнике под названием «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (Вып. XXV) вышла рецензия доктора исторических наук, профессора Уральского федерального университета Валерия Павловича Степаненко на нашу монографию «Император Алексей I Комнин и его стратегия», опубликованную также в прошлом году в издательстве Санкт-Петербургской Духовной Академии [Степаненко, 2020]. Это обстоятельство весьма обрадовало нас по нескольким причинам. Во-первых, мы навсегда сохранили добрую память о хорошем отзыве на нашу докторскую диссертацию, который был представлен Уральским федеральным университетом в качестве ведущей организации на исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, где в ноябре 2011 г. успешно состоялась защита нашей диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Личное знакомство с крупнейшим византинистом Уральского федерального университета — незабвенной Маргаритой Адольфовной Поляковской (1933–2020) — оставило тогда в нашей душе очень светлое впечатление. Во-вторых, В. П. Степаненко, у которого, согласно данным сайта Уральского федерального университета, за предыдущие семь лет из тринадцати публикаций на исторические темы шесть представляли собой рецензии на книги различных авторов, должен производить впечатление опытного рецензента. Интерес же его к нашей книге был безусловно особым хотя бы потому, что объем шести вышеупомянутых рецензий на книги шести различных авторов составлял в совокупности 27 страниц, а рецензия на одну нашу книгу имела объем 19 страниц.

В. П. Степаненко готов приветствовать появление нашей книги на фоне скудости исследований по эпохе Комнинов в начале своей рецензии (с. 755), а далее в тексте рецензии любезно отмечает нашу «эрудицию» (с. 762, 769). Однако положительные характеристики нашей работы в рецензии В. П. Степаненко, в сущности, исчерпываются констатацией этих фактов. В тоже время львиная доля суждений В. П. Степаненко о нашей книге носит подчеркнуто критический и даже уничижительный характер. Это обстоятельство вынуждает нас последовательно разобрать аргументы В. П. Степаненко. Почтенный возраст рецензента и его авторитет уважаемого ученого заставляют нас сожалеть о том, что мы вынуждены честно и беспристрастно оценивать публикацию, подписанную его именем. Но иного выхода нет, тем более что практически каждая страница рецензии В. П. Степаненко усыпана многочисленными фактически, стилистическими и методологическими ошибками.

С. 755. Уже в самом начале рецензии В. П. Степаненко проявляет странную несомнеленность об исследовательской работе автора, книгу которого он собирается рецензировать. В. П. Степаненко пишет о том, что наши труды по истории Византии в эпоху Комнинов «ранее не были замечены» (с. 755), и ссылается при этом на наши работы по истории ранневизантийского права, опубликованные в 2006 и 2010 гг. [Митрофанов, 2006; Митрофанов, 2010]. При этом В. П. Степаненко либо не знает, либо игнорирует наши исследования по истории отношений Византии и папства в эпоху Комнинов, вышедшие в 2015 и в 2018 гг. [Mitrofanov, 2015; Митрофанов, 2018]. Впрочем, невнимание или забывчивость В. П. Степаненко могут быть объяснимы тем обстоятельством, что его единственная монография («Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке, 1071–1176». Свердловск, 1988. 249 с.) была опубликована более тридцати лет назад. Вообще, некоторая забывчивость и странные «фигуры умолчания» становятся отличительной чертой дальнейшего изложения В. П. Степаненко на страницах рассматриваемой рецензии. Эта отличительная черта, к сожалению, нередко влияет на стиль автора, придавая ему удивительную небрежность и временами даже неряшливость.

С. 756–757. В частности, В. П. Степаненко пишет: «Основным источником монографии объявлена „Алексиада“ Анны Комниной. На наш взгляд, характеристика писательницы с ее предполагаемым портретом несколько однобока — **панегирик**. Напомним, что сам труд появился после того, как дама неудачно попыталась посадить на престол своего супруга... и потерпев поражение, была сослана в монастырь, получив

массу свободного времени для написания **панегирика** отцу, коим и является „Алексиада“» (с. 756). Надо полагать, что в первом случае под панегириком имеется в виду наша характеристика Анны Комниной и ее «предполагаемого портрета», а не характеристика Анной Комниной своего отца из литературного панегирика — «Алексиады». Остается неясным, о каком предполагаемом портрете Анны Комниной идет речь — об изобразительном или о словесном. Возможно, что В. П. Степаненко имеет в виду некий изобразительный портрет Анны Комниной, однако, как известно, не сохранилось ни одного византийского изображения, которое могло бы быть достоверно признано портретом принцессы. Если же В. П. Степаненко имеет в виду словесный портрет Анны Комниной, написанный нами в панегирическом ключе, то подобный словесный портрет Анны Комниной уже был создан задолго до нас. Еще в XII в. современник принцессы Феодор Продром назвал Анну Комнину «десятой музой и четвертой грацией». Спустя столетия византист Карл Крумбахер написал свой панегирик Анне Комниной, признав «Алексиаду» лучшим историческим сочинением, которое породило Средневековье [Krumbacher, 1891, 78–81]. «Алексиада», по мнению крупнейших знатоков византийской литературы от Карла Крумбахера до Я. Н. Любарского, представляет собой произведение, которое по своему характеру намного превосходило жанровые рамки панегирика [Ljubarskij, 2000; Любарский, 2012]. Странно, что византист В. П. Степаненко об этом обстоятельстве ничего не знает.

Чуть ниже В. П. Степаненко развивает свою мысль к сожалению тем же невнятным образом, что и выше: «Очерки 1–10 (из монографии Митрофанова. — А. М.) посвящены истории Византии в 60–80-х гг. XI в., в том числе быстро менявшейся ситуации на границах империи после Манцикерта в связи с образованием Румского султаната (1081) и норманнской экспансией на Балканах. Начинается **она** панегириком Анне Комниной как писательнице и женщине» (с. 756–757). Что же начинается панегириком Анне Комниной как писательнице и женщине? Норманнская экспансия на Балканах? Или все-таки панегириком начинаются очерки 1–10 из рецензируемой монографии? При чтении рецензии В. П. Степаненко складывается впечатление, что эта рецензия была написана в спешке, текст ее подвергался достаточно небрежному редактированию и не был как следует прочитан перед публикацией. Ярким примером своеобразного стиля В. П. Степаненко может послужить следующая характеристика Анны Комниной: «**дама** неудачно попыталась посадить на престол своего супруга» (с. 756). Этот же эпитет появляется у В. П. Степаненко ниже: «**дама** ближе к описываемым событиям, чем современный автор» (с. 762). Подобное выражение может вызвать у читателя ассоциации только с культурно-историческим контекстом, в котором существовали герои Михаила Зощенко: «Так, дама и дама. Черненькая такая, пестренькая. Завсегда в ручках цветы». Стиль, уместный в художественном произведении при описании советских женщин периода НЭПа, довольно нелеп в научной рецензии при описании августейшей великой княжны — византийской принцессы.

Дальнейшие рассуждения В. П. Степаненко вызывают более серьезные возражения. В. П. Степаненко советует нам использовать при описании восточной политики Византийской империи хронику Матфея Эдесского (†1149), «если не в оригинале, то в современном английском переводе» (с. 756), и ряд других восточных источников. Автор настоящей статьи не нуждается в современном английском переводе хроники Матфея Эдесского, так как владеет древнеармянским языком на уровне, необходимом для чтения этого произведения. Кроме того, существует хороший французский перевод хроники Матфея Эдесского, выполненный Эдуардом Делорье еще во второй половине XIX в., который значительно превосходит «современные английские переводы». Хроника Матфея Эдесского использовалась нами при написании главы о восточной политике императора Иоанна I Цимисхия, которую В. П. Степаненко характеризует как «лучшую часть работы, хотя и не лишённую ошибок» (с. 767). При этом те части хроники Матфея Эдесского, которые повествуют о событиях царствования императора Алексея Комнина, чрезвычайно тенденциозны и носят на себе сильный отпечаток идей армянского патриотизма. Эти части хроники Матфея Эдесского не слишком

ценны для исследования военной и политической стратегии императора Алексея Комнина, так как армянин из Эдессы в силу естественных причин не обладал источниками информации об этой стратегии, которыми обладали Анна Комнина и Никифор Вриенний. Как Матфей Эдесский, так и Михаил Сириец (1126–1199) не обладали доступом к синхронным источникам по истории царствования императора Алексея Комнина — воспоминаниям Георгия Палеолога и Татикия, которые, по мнению специалистов, легли в основу повествования Анны Комниной в той его части, где августейшая принцесса продолжала рассказ Никифора Вриенния. Поэтому хроники указанных восточных авторов не имеют ценности для изучения внутренних мотивов византийской внешней политики в эпоху Алексея Комнина. Отдельные фрагменты из этих хроник, описывающие внешнюю сторону политики Византийской империи, давно введены в научный оборот Фердинандом Шаландоном и не имеют для нашей темы большого значения. Под арабскими авторами «на уровне *Recueil des historiens des croisades*» (с. 756) В. П. Степаненко имеет в виду Абу-ль-Фида (1273–1331), Ибн аль-Асира (1160–1233/34), Бадра ад-Дина аль-Айни (1360–1451), Бахауддина ибн Шаддада (1145–1234), Ибн Халликана (1211–1282), Ибн Джубайра (1145–1217), Сибта ибн аль-Джаузи (1186–1256), Ибн аль-Адима (1192–1262), Абу Шама аль-Макдиси (1203–1267) и некоторых других. Все эти авторы родились много лет спустя после смерти императора Алексея Комнина и, упоминая о Византии, опирались в своем летописании на традицию сомнительной достоверности. Если их сочинения еще могут быть полезны для исследований по истории крестовых походов и государств, созданных крестоносцами, то они совершенно бесполезны для изучения стратегии Византийской империи в эпоху первых Комнинов.

«Источниковая база работы предельно фрагментарна и несколько случайна, — продолжает В. П. Степаненко, — ряд основных источников (кроме вышеназванных) отсутствует. В их отборе присутствует „европоцентризм“» (с. 756). Следует напомнить В. П. Степаненко, что придерживаться принципа «европоцентризма» в выборе источников — это неотъемлемое право любого исследователя, который занимается изучением истории европейских государств. Византийская империя — это европейское государство, более точное название которого — Восточная Римская империя. То, что эта империя обладала крупными владениями в Азии, еще не делает эту империю «азиатской». Христианство, римское право и греческая культура определяли характер византийского высшего общества как общества по преимуществу европейского. Главные источники нашей книги перечислены нами. Это — сочинения Анны Комниной, Никифора Вриенния, Иоанна Зонары, Михаила Атталиата, Михаила Пселла, Катакалона Кекамена, Никиты Хониата, «Стратегикон» императора Никифора II Фоки, схолии к «Василикам», поэма «Дигенис Акрит», и т. д. Коль скоро наша книга посвящена стратегии императора Алексея Комнина, вполне закономерно, что источниковую базу книги составляют фундаментальные византийские источники по истории Византии XI–XII вв., а не армянские, сирийские и тем более арабские произведения позднего происхождения, упоминающие о событиях византийской истории тенденциозно и далеко не всегда достоверно.

Вопреки мнению В. П. Степаненко (с. 756, 758), проблема происхождения сельджуков, точнее, династии сельджукидов, имеет очень важное значение для истории византийско-сельджукских войн, так как исследование этой проблемы позволяет правильно оценить характер и возможности сельджукской военной организации, сельджукские традиции власти. В нашей книге ставится вопрос о монгольском происхождении династии сельджукидов, но никоим образом не об этническом происхождении огузов, как ошибочно полагает В. П. Степаненко (с. 756, 758). Ранние сельджуки объединяли лишь часть огузских племен, как это ясно видно из сведений Малик-наме, сохранившихся в истории Мирхонда [*Mirchondi Historia Seldschukidarum*, 1838; Материалы по истории туркмен, 1939]. Приписывание нам с легкой руки В. П. Степаненко исследования происхождения «огузов» наводит на серьезные размышления о том, читал ли рецензент ту книгу, которую столь критично рецензирует? По мере чтения

рецензии В. П. Степаненко возникает ощущение, что рецензент ознакомился с нашей книгой поспешно и по каким-то отдельным выдержкам, а полный текст книги прочитать не удосужился. «Работа Бартольда» привлекалась нами для изложения точки зрения В. В. Бартольда на происхождение сельджуков и никак не повлияла на наши выводы. Эти выводы основаны на интерпретации «Сокровенного сказания монголов» в работе Э. Блоше и на исследованиях несторианства у монголов в работах Г. В. Вернадского [Blochet, 1910, 303; Вернадский, 2000, 46–53]. При этом «работа Бартольда» цитировалась нами по пятому тому собрания сочинений В. В. Бартольда, вышедшему в 1968-м, а не в 1927 г., как считает В. П. Степаненко [Бартольд, 1968, 90–96]. С. Г. Агаджанов, на специальную статью которого мы ссылались в книге [Агаджанов, 1970, 192–207], в целом придерживался концепции В. В. Бартольда об огузском происхождении династии сельджукидов. Упомянутая В. П. Степаненко монография С. Г. Агаджанова (с. 756), опубликованная в 1991 г., освещает проблему формирования сельджукского племенного союза в самом общем виде и не дает для разрешения этой проблемы ничего нового по сравнению с цитированной нами статьей С. Г. Агаджанова, вышедшей в 1970 г. К сожалению, С. Г. Агаджанов допустил в монографии 1991 г. досадные ошибки, в частности, византийский историк Никита Хониат назван в монографии С. Г. Агаджанова Никифором, вероятно из-за того, что автор перепутал Никиту Хониата с Никифором Вриеннием [Агаджанов, 1991, 87]. Поэтому мы оставили эту монографию за пределами нашего изложения. При этом мы ссылаемся на специальные публикации С. Г. Агаджанова и В. А. Гордлевского, которые положены в основу монографии 1991 г., в главах, посвященных сельджукской экспансии и сельджукской армии [Агаджанов, 1973, 72–73, 84–86; Агаджанов, Юзбашян, 1976, 144–158; Гордлевский, 1941, 22–23]. «Многочисленные» работы Р. А. Гусейнова и К. Каэна по общей истории сельджуков, рекомендованные В. П. Степаненко в качестве «обязательных» (с. 756), впервые вышли более пятидесяти лет назад и на сегодняшний день безнадежно устарели. Более поздние переиздания этих работ не содержат ничего принципиально нового по сравнению с первыми публикациями указанных авторов. Если, конечно, не считать историческим открытием такую бессмысленную категорию, как «геополитическое пространство Евразии», в которое, с точки зрения Р. А. Гусейнова, вошли Армения и Грузия после сельджукского нашествия [Гусейн-Заде, 2010, 62–82]. Тезис Р. А. Гусейнова о том, что накануне сельджукского завоевания Армения, название которой берется автором в кавычки (!), «определялась как географическое пространство в восточной Анатолии» [Гусейн-Заде, 2010, 16], просто абсурден. Как будто бы в составе Византийской империи, включившей в свой состав армянские государства, не было таких военно-административных единиц, как фема Тарон, фема-катепанат Васпуракан и, наконец, старинная фема Армениак. Ко всему прочему Р. А. Гусейнов делает настоящее «открытие»: оказывается, после поражения при Мириокефале император Мануил Комнин «предпочел сдаться на милость победителя — конийского султана Килидж-Арслана II» [Гусейн-Заде, 2010, 188]. Вот такие, с позволения сказать, «исследования» рекомендует нам в качестве «обязательных» В. П. Степаненко. Внимание, проявленное в работах указанных авторов к ранней истории сельджуков, не может быть признано удовлетворительным в свете современных исследований А. Пикока и П. Голдена, которые мы цитируем в нашей книге [Peacock, 2015; Peacock, 2010; Golden, 2006, 136–157]. Этапы сельджукского завоевания Малой Азии, предложенные в работах К. Каэна, сегодня должны быть пересмотрены по той причине, что этот автор недооценивал значение материалов археологических исследований и основывал свои выводы преимущественно на письменных источниках позднего происхождения. Подробнее об этом будет сказано ниже.

С. 757. В отличие от В. П. Степаненко, который пытается доказать реальность социально-экономического кризиса в Византии в XI в., А. П. Каждан недвусмысленно утверждал, что в действительности в XI–XII вв. Византия переживала экономический подъем, связанный, в частности, с активным развитием городского хозяйства. В книге А. П. Каждана «Никита Хониат и его время», которую можно рассматривать

в качестве своеобразного научного завещания будущим поколениям византинистов, изданной Я. Н. Любарским после смерти ученого, автор посвятил целую главу анализу социально-экономического развития Византии в XI–XII вв. А. П. Каждан убедительно доказывает, что военные поражения второй половины XI в., потеря Армении и Анатолии и последующие непрерывные войны не только не были следствием экономического коллапса империи, но, напротив, сыграли определенную роль катализатора в развитии византийской экономики. Примечательно, что В. П. Степаненко, как будто повинувшись инерции прошлых десятилетий, упорно видит причины усиления провинциальной знати в разорении византийского крестьянства — «тех же стратиотов» (с. 757), игнорируя один из основных выводов нашей работы о том, что стратиотское ополчение было неэффективно уже как минимум со времен царствования Василия II и проявило свою полную несостоятельность в царствование Романа IV Диогена. Поэтому формирование крупного поместного землевладения в Византии следует рассматривать в том числе и как попытку государственной власти провести военную реформу и создать профессиональную армию. Утверждение о том, что столичная гражданская знать опиралась на наемников, вопреки мнению В. П. Степаненко, вполне корректно, так как основывается на сведениях источников: в 1072 г. варяжская гвардия воевала против Романа Диогена на стороне Михаила VII Дуки, в 1081 г. варяжская гвардия поддержала Никифора III Вотаниата, который хотя и был представителем военной знати, но, заняв престол и заключив брак с Марией Аланской, вступил в союз со столичной бюрократией, а стены Константинополя оборонял немецкий отряд Гилпракта. Контингенты восточных фем, преданные Роману Диогену и Филарету, состояли не из крестьян-стратиотов, как, по-видимому, предполагает В. П. Степаненко, а из дружин армянской знати, на которую опирался император Роман IV, например из дружин Хачатура, в случае же с Филаретом эти контингенты включали даже норманнских рыцарей-наемников. Мы не будем здесь цитировать источники, подтверждающие нашу правоту, — Никифора Вриенния и Анну Комнину, так как это уже было сделано на страницах нашей книги.

С. 757, сноска 2. То, что Раймунд де Сен-Жиль был противником соглашения с Алексеем Комнином, не отменяет тот факт, что противником этого соглашения был также и Танкред. Персидская культура (язык и принципы администрации) была воспринята сельджуками независимо от Буидов в период войн с Газневидами, что прекрасно описано в труде персидского историка Байхаки.

Григорий Бакуриани был грузинским феодалом армянского происхождения, и на этом основании его обозначение в качестве армяно-грузинского аристократа вполне допустимо. Алексей передал на долгие годы (более десяти лет) гражданское управление Анне Далассине, о чем свидетельствует специальный хрисовул, сохранившийся, благодаря Анне Комниной, в «Алексиаде». Ошибка в дате воцарения императора Мануила I Комнина — техническая опечатка, не имеющая отношения к содержанию книги.

Сноска 4. Никифор Мелиссен на самом деле предал Никею Сулейману, если не *de iure*, то во всяком случае *de facto*. Какому именно Сулейману? Сулейману Кутулмышу или же, как полагает В. П. Степаненко, его сыну? Этот вопрос остается дискуссионным. В «обстановке мятежей» 1080-х гг. размещение сельджукских наемников в городе могло быть только следствием соглашения между византийской администрацией (Никифором) и Сулейманом, которое и привело к захвату Сулейманом Никеи. Это обстоятельство признавали В. А. Гордлевский и С. Г. Агаджанов [Гордлевский, 1941, 25; Агаджанов, 1991, 96].

Сноска 5. Как уже было отмечено, процесс деградации стратиотского ополчения фиксируется не в 1050-х гг., как полагает В. П. Степаненко, а начался еще при Василии II, что и побудило этого императора вначале нанять дружину князя Владимира, а затем сформировать варяжскую гвардию на постоянной основе. Утверждение В. П. Степаненко о том, что кризис византийской армии был следствием восточной политики Константина IX Мономаха, противоречит Михаилу Пселлу, который

сообщает о патологической скупости Константина X Дуки, оставившего воинские части (наемники, а не стратиотов) без средств к существованию, что было равносильно их расформированию [Psellos, 1928, II, 146].

С. 758. Этапы сельджукского завоевания Малой Азии, выделенные К. Каэном, вопреки мнению В. П. Степаненко, известны автору. Выводы К. Каэна требуют серьезного пересмотра по трем основным причинам. Во-первых, К. Каэн, по верному замечанию А. Пикока, не уделил должного внимания ранней истории сельджуков и других туркменских кочевых племен в Средней Азии, не предложил никакого объяснения причинам сельджукских завоеваний и успехам этих завоеваний [Reasock, 2010, 13]. Подобные лакуны в исследованиях К. Каэна объясняются определенной идеологической ангажированностью исследователя, бывшего, как известно, до последних дней активным деятелем французской коммунистической партии. Ортодоксальные марксисты всегда недооценивали самостоятельное значение кочевых культур в развитии средневековой цивилизации. К. Каэн не стал исключением, и его идеологические взгляды влияли на его научные выводы. Во-вторых, К. Каэн, как многие востоковеды его поколения, недооценивал значение археологии и ее данных в своих научных построениях. Так, например, одна из главных работ К. Каэна, опубликованная в Константинополе в 1988 г. под названием «La Turquie pre-ottomane», практически целиком основана на письменных источниках, в то время как материалы археологических исследований сельджукской Средней Азии и Анатолии не находят в этой работе более или менее заметного места. Особенно негативно это обстоятельство влияет на выводы К. Каэна, касающиеся ранних этапов сельджукского завоевания Малой Азии во второй половине XI в. [Cahen, 1988, 3–26]. В-третьих, этапы, выделенные К. Каэном, не находят достаточного подтверждения в византийских источниках, современных сельджукскому завоеванию Малой Азии, в частности в историях Михаила Атталиата и Никифора Вриенния. Наконец, в-четвертых, восточные источники, на которые опирался К. Каэн, в большинстве своем — позднего происхождения. Эти источники отражают чаще всего ретроспективное, а не синхронное видение событий, связанных с сельджукским завоеванием Малой Азии, сирийскими и мусульманскими историками XII в. и более позднего времени. В силу указанных обстоятельств мы сознательно не ссылались на работы К. Каэна, тем более что наша книга посвящена все-таки не сельджукам, а стратегии императора Алексея Комнина. Тот факт, что сомнительная хронология сельджукской экспансии К. Каэна остается на данный момент, по словам В. П. Степаненко, единственной, никоим образом не делает ее «обязательной» для цитирования. Возможно, В. П. Степаненко заимствовал представления об «обязательности» цитирования тех или иных работ из советских времен, когда тоталитарный режим обязывал историков давать на страницах своих работ «цитатник» из так называемых «классиков», чем с успехом занимался и сам В. П. Степаненко [Степаненко, 1988, 3]. Мы же ссылаемся на работы современных исследователей, занимавшихся сельджуками, в частности на работы А. Пикока, П. Голдена и С. Г. Агаджанова. Интенсивность сельджукских набегов на район Севастии в 1059–1060 гг., отмеченная В. П. Степаненко (с. 758) на основании сведений Матфея Эдесского [Matthieu d'Édesse, 1858, 111–112], никак не исключает тот факт, что резня, устроенная войсками Романа Диогена в Севастии [Matthieu d'Édesse, 1858, 166–167], могла быть в действительности вызвана совместными действиями враждебных армян и сельджукских банд. Резня в Севастии, по-видимому, имела место в период первого похода Романа Диогена, так как новый император в преддверии большой войны с сельджуками прежде всего стремился очистить свой тыл от враждебного элемента. Этот первый поход произошел вскоре после воцарения Романа Диогена в 1068 г., а не в 1070-е гг., как полагает В. П. Степаненко (с. 758). Существует несколько версий гибели Алп Арслана, а не только рассказ о поединке с «комендантом крепости в Средней Азии», который упомянут В. П. Степаненко. По одной из версий, Алп Арслан пал от руки наемного убийцы. Различные версии гибели Алп Арслана упомянуты в монографии С. Г. Агаджанова [Агаджанов, 1991, 90–91], в незнании которой В. П. Степаненко упрекает нас (с. 756). Прискорбно,

что В. П. Степаненко, готовя свою рецензию, сам не удосужился внимательно прочитать упомянутую им монографию. То обстоятельство, что формальный статус княжества Филарета не был определен, а в Константинополе Филарет рассматривался первоначально как мятежник, а потом как «автономный» архонт (с. 758–759), в нашей книге нигде не оспаривалось.

С. 759. Покорение сельджуками Ферганы, поэт Гургани и иранская культура сельджукской элиты, с нашей точки зрения, имеют очень большое значение для характеристики социального и культурного состояния Сельджукской державы в период ее расцвета. В отличие от сочинений Матфея Эдесского, Михаила Сирийца или аль Хусайни, поэтические произведения Фирдоуси и Гургани, исторический труд Байхаки были созданы современниками Тогрул бека (Фирдоуси, Байхаки) и Алп Арслана (Гургани). Помимо некоторых синхронных сведений об эпохе, эти авторы передают культурную атмосферу своего времени, которая в XII в. как в Хорасане, так и в Анатолии претерпела радикальные изменения (под влиянием вторжения киданей и крестоносцев). Договор 1081 г. на реке Дракон с византийской точки зрения был временным соглашением. Он никогда не рассматривался в Византии в качестве легитимного договора, фактически не соблюдался обеими сторонами, а потому и не оказал влияния на военную стратегию императора Алексея Комнина. Мятеж Никифора Мелисина упомянут нами. De facto Никифор являлся стратигом Вифинии, несмотря на то, что, насколько нам известно, в нашем распоряжении пока нет печатей Никифора с подобным титулом. Очерки о варяжской гвардии, Харальде Гардрода и боевом пути варяжской гвардии после Харальда, вопреки мнению В. П. Степаненко, имеют к теме книги самое непосредственное отношение, так как содержат рассмотрение истории одной из наиболее боеспособных частей византийской армии. К тому же эта история хорошо документирована источниками, что представляет собой большую редкость в условиях, когда, как справедливо отмечает сам рецензент, «практически нет данных» о структуре византийской армии в эпоху Комнинов.

С. 760. Вопреки мнению В. П. Степаненко, Адам Севастийский и его мятеж против Византийской империи были такой же исторической реальностью, как и существование варяжской гвардии. События, связанные с историей Адама Севастийского и участием варяжской гвардии в подавлении армянского мятежа, были реконструированы еще Густавом Шлюмбергером на основании сведений Матфея Эдесского [Schlumberger, 1905, III, 200–201; Matthieu d'Édesse, 1858, 62, 67–68], поздней хронике которого можно доверять как раз тогда, когда речь заходит об истории армянских династий, а не о политической стратегии византийских императоров или о передвижении сельджукских отрядов. К сожалению, В. П. Степаненко демонстрирует незнание фундаментальной историографии в области внутренней византийской истории как в этом вопросе, так и в вопросе участия варяго-русской дружины князя Владимира в битве при Абидосе. Участие варяго-русской дружины в битве при Абидосе засвидетельствовано у Михаила Пселла, в других источниках, например у Иоанна Зонары и Георгия Кедрина [Psellos, 1926, I, 9; Пселл, 1978, 10; Georgii Cedreni, II, 444; Ioannis Zonarae, III, 552–553], и кроме того исследовано в работах В. Г. Васильевского [Васильевский, 1874–1875]. Личное участие князя Владимира в битве при Абидосе на основании сведений упомянутых источников представляется вполне возможным. Ибо условия договора между императором Василием II и князем Владимиром предполагали не только участие в боевых действиях варяго-русской дружины князя Владимира, но и незамедлительное вступление князя Владимира в беспрецедентный династический брак с принцессой Анной. «Открытие», приписанные нам в рецензии В. П. Степаненко, были давно сделаны учеными XIX в., на работы которых мы только что сослались. Мы же можем только удивляться тому, что византинист В. П. Степаненко, который на страницах своей рецензии постоянно ссылается на армянскую хронику Матфея Эдесского, либо не знает, либо сознательно игнорирует сведения византийских авторов. Быть может, причина этого странного обстоятельства заключается в том, что хронографии Иоанна Зонары и Георгия Кедрина до сих пор не изданы в полном переводе на современный русский язык?

Как уже было отмечено, вопреки мнению В. П. Степаненко биография Харальда Гардрата и рассмотрение общей роли норманнов в международных отношениях до прихода к власти Алексея Комнина представляются важным условием для изучения истории взаимоотношений империи с народом, формировавшим одну из самых боеспособных частей византийской армии, но также и с народом, романизованная ветвь которого отторгла от империи ее итальянские владения и поставила под угрозу само существование империи в первые годы царствования Алексея Комнина. К сожалению, мы вынуждены повторить, что В. П. Степаненко не знаком со старыми исследованиями В. Г. Васильевского, который предложил интересную интерпретацию сведений из Картлис Цховреба о походе варяжской гвардии в Грузию и об участии варягов в войне против Баграта IV на стороне Липарита [Васильевский, 1874–1875]. То обстоятельство, что Мариам Арцруни — мать Баграта IV, по выражению В. П. Степаненко, «приближалась к пенсионному возрасту», не может опровергнуть свидетельство как письменных источников, так и Хахульского триптиха, о ее красоте [Garland, Rapp, 2006, 119–121; Беручашвили Н., Бичикашвили, 2002, 172–186]. Скорее даже наоборот, по мнению современных специалистов в области гендерных исследований, например Линды Гарланд, средневековая знатная женщина чаще всего получала возможность проявить свои лучшие качества, как внешние, так и внутренние, после выхода из репродуктивного возраста (понятие «пенсионный возраст» — нонсенс для Средневековья), так как приобретала к этому времени необходимый досуг и политическое влияние [Garland, 2002, 180–198]. Яркими примерами подобного явления можно считать судьбы Анны Далассины или императрицы Ирины Дукены — супруги Алексея Комнина. Обширный экскурс о походе Оттона II в Калабрию, вопреки мнению В. П. Степаненко, связан с проблематикой работы самым непосредственным образом, так как разъясняет контекст приглашения к византийскому двору немецкого «принца» Петра, упомянутого Катакалоном Кекавменом и ставшего одним из первых немецких наемников на византийской службе.

Дойдя до конца страницы (с. 760), читатель вдруг узнает из рецензии В. П. Степаненко о том, что «скандинавов (в Византии. — А. М.) все более вытесняли англосаксы, особенно после Босворта»... Битва при Босворте, состоявшаяся 22 августа 1485 г. между войсками короля Ричарда III и армией Генриха Тюдора, конечно, в нашей книге не упомянута, однако мы полагаем, что как йоркисты, так и сторонники Тюдора немало бы удивились, повстречав на поле боя своих предков. Подобная путаница, вызванная упоминанием в рецензии В. П. Степаненко битвы при Босворте вместо битвы при Гастингсе, лишний раз подтверждает наши предположения о том, что эта рецензия писалась в спешке, возможно, несколькими «литературными неграми», и писалась весьма небрежно, что и обусловило наличие почти студенческих ошибок, столь странных для профессора с почти пятидесятилетним преподавательским стажем, с 2007 г. носящего звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

С. 761. Автор в целом согласен с мнением рецензента о том, что информация источников об истории отдельных частей византийской армии в царствование императора Алексея Комнина чрезвычайно скудна, однако даже те краткие сведения, которые находятся в нашем распоряжении, позволяют сделать важные выводы относительно состояния подразделений византийской армии в указанный период. Эти выводы заключаются в том, что, во-первых, Анна Комнина перечисляет некоторые «этерии», т. е. профессиональные дружины комниновской армии, во-вторых, среди этих «этерий» оказывается императорская свита — «отроки», отряды, сформированные из детей ветеранов — «архонтопулы», анатолийские «этерии» — «хоматинцы», наемные подразделения норманнских рыцарей, в-третьих, численность этих подразделений была крайне незначительна, если даже небольшой отряд рыцарей (несколько сотен), присланный графом Робертом Фландрским, воспринимался в столице как серьезное подкрепление.

С. 762. В. П. Степаненко, страстно отдавшись критике нашей книги, пишет: «Авторский панегирик Марии Аланской-Грузинской как жене двух императоров, матери наследника престола Константина Багрянородного и просто красавице имеет право на существование. Но опять же к стратегии Алексея имеет весьма косвенное отношение» (с. 762). Рецензент уже в третий раз акцентирует внимание читателя на наших «панегириках» красоте тех или иных представительниц византийской аристократии (Анны Комниной, Мариам Арцруни, теперь Марии Аланской), однако при этом забывает, что подобные «панегирики» — не плод нашего творчества, а свидетельства источников. Анна Комнина была, как известно, воспитанницей Марии Аланской и невестой ее сына, поэтому добрые воспоминания принцессы о Марии Аланской, приведенные нами в книге, лишь свидетельствуют о былой дружбе и о влиянии Марии при дворе Алексея в начале его царствования. По-своему трогательно то, что рецензент характеризует детали биографии Марии Аланской, цитируя одного из персонажей советской кинокомедии Леонида Гайдая «Кавказская пленница», однако мы все-таки предпочитаем цитаты из Анны Комниной. Участие Марии в коминиовском перевороте никуда из нашего повествования не уходит. Мы подробно описали это участие и то, при каких обстоятельствах Алексей был усыновлен Марией, несмотря на незначительную разницу в возрасте между приемной матерью и приемным сыном. Рецензент, как и в ряде других случаев, предпочитает просто не замечать то, что изложено на страницах рецензируемой им книги. Далее В. П. Степаненко опять зачем-то останавливается на том, как автор рецензируемой им книги «традиционно» воспеваает знатных аристократок, теперь Гаиту. «Традиционно» для кого? Анна Комнина характеризует Гаиту как незаурядную сеньору, поведение которой не вписывалось в канон поведения византийской аристократки. То, что Гаита была женой Роберта Гвискара, — исторический факт, который подтверждается источниками, а не является нашей гипотезой. При этом содержание наших аргументов в пользу предположения о том, что в битве при Диррахии варяги сражались в конном, а не в пешем строю, рецензент просто игнорирует, ссылаясь на сей раз на Анну Комнину, но забывает о том, что Анна Комнина не слепо копировала, а творчески перерабатывала сведения своих источников. Складывается впечатление, что о внутренней критике источника В. П. Степаненко не имеет ни малейшего представления, а задачи исторического исследования видит в простом пересказе сведений из различных нарративных текстов.

С. 763–764. На указанных страницах полемика рецензента с автором приобретает некоторые позитивные и конструктивные черты. В. П. Степаненко рассматривает события войны императора Алексея Комнина с норманнами и сельджуками, опираясь на изложение Анны Комниной, параллельно повествованию из рецензируемой книги. Рецензент ведет полемику содержательно, соглашаясь с одними тезисами автора и отвергая другие. На указанных страницах В. П. Степаненко демонстрирует несомненную эрудицию в области истории Румского султаната сельджуков в 1080–1090-е гг., однако заметно теряется там, где речь заходит о европейских делах. Так, в частности, В. П. Степаненко предпочитает не обсуждать гипотезу автора книги о перспективах византийского вторжения в Италию после 1085 г., вероятно, слабо представляя себе военно-политическую обстановку, сложившуюся в Италии после смерти Роберта Гвискара. При этом рецензент опять склонен переоценивать значение византийско-сельджукского соглашения на реке Дракон, заключенного в 1081 г. Вопреки мнению В. П. Степаненко, это соглашение никогда не рассматривалось и не могло рассматриваться в Константинополе как «признание» нового государства — Румского султаната, что подтверждается интерпретацией этого соглашения в труде Анны Комниной и последующими событиями.

Упомянув сельджукскую армию, В. П. Степаненко, к сожалению, демонстрирует незнание археологии и современной научной литературы, в которой военное искусство кочевников евразийских степей исследуется в широком археологическом контексте. Так, например, В. П. Степаненко полагает, что вопрос о существовании тяжеловооруженной профессиональной конницы у сельджуков «предельно спорен»,

так как «в данный период это — племенной союз с соответствующими атрибутами. В частности, вместе с воинами перемещались и их семьи» (с. 764). Однако А. М. Хазанов, А. В. Симоненко, В. П. Никоноров и Ю. С. Худяков доказали на археологическом материале сарматских, парфянских и кенкольских памятников, что кочевой КХТ и отсутствие собственного производства никогда не были для кочевников препятствием на пути создания тяжеловооруженной конницы. В настоящее время опубликованы подробные сводки находок, в которых описываются различные элементы сарматского, парфянского, кенкольского защитного вооружения: шлемов, чешуйчатых, ламинарных, ламеллярных доспехов [Хазанов, 2008, 121–185; Симоненко, 2009, 107–150; Никоноров, 1987, 21–236; Никоноров, Худяков, 2004, 121–144]. Тяжелое защитное вооружение, в частности шлемы и ламеллярный доспех, активно применялось степняками в более позднюю эпоху, например, современниками сельджуков — половцами и киданями. Как доказал М. В. Горелик, именно наличие развитого тяжелого защитного вооружения в значительной степени предопределило успехи киданских, а позднее монгольских завоеваний [Горелик, 2002; Горелик, 2010, 127–186; Горелик, 2015, 38–51]. Если древние кочевники (сарматы, парфяне, носители кенкольской культуры) додумались до создания тяжеловооруженной конницы за много веков до сельджуков, а современники сельджуков (кидани, половцы) продолжали использовать подобную конницу, на каком же основании В. П. Степаненко считает сельджуков племенем в военном отношении более отсталым, чем их предшественники и современники? Далее В. П. Степаненко признаёт, что ко времени битвы при Манцикерте сельджукская армия претерпела «существенные изменения под влиянием иранской традиции» (с. 764). Но в таком случае неизбежно возникает другой вопрос: если кочевой КХТ сельджуков изначально ограничивал их военно-технический потенциал, почему же сельджуки добились победы над армиями, организованными в соответствии с этой «иранской традицией», задолго до Манцикерта? Ссылаясь на Абу-л-Фазла, В. П. Степаненко утверждает, что в эпоху битвы при Данданакане «защитное вооружение было еще достаточно редким (у сельджуков. — А. М.). Он (Абу-л-Фазл. — А. М.) отмечает, что 500 гулямов из охраны султана Масуда Газневи были „все в кольчугах“» (с. 764). Вероятно, В. П. Степаненко считает кольчугу отличительным признаком воинов тяжелой конницы и тем самым противопоставляет газневидских гулямов в кольчугах сельджукам без кольчуг. Некомпетентность В. П. Степаненко в области военной археологии кочевников раннего Средневековья делает его пленником нарративного повествования и не позволяет ему представить подлинные масштабы развития защитного вооружения, в частности ламеллярного доспеха, у кочевников евразийских степей в сельджукскую эпоху. В связи с этим В. П. Степаненко делает неправильные выводы относительно тактики сельджукской армии и необоснованно ставит под сомнение существование у сельджуков тяжеловооруженной конницы.

Чака Бей, вероятно, все-таки был атабеком. Об этом свидетельствуют военные возможности его владений в период войны с Византией. Причем непосредственная угроза Константинополю с моря создавалась именно Чака Беем, а также печенегами. Анна Комнина подробно пишет об этом. Поэтому аргументы В. П. Степаненко, согласно которому сельджуки не могли угрожать Константинополю во второй половине 1080-х — первой половине 1090-х гг. из-за распада Румского султаната и вторжения Малик шаха, не выдерживают никакой критики. Еще В. Г. Васильевский убедительно доказал, что угроза Константинополю со стороны сельджуков и печенегов была грозной реальностью в указанный период, однако В. П. Степаненко, вероятно, не знаком с исследованиями основателя русского византиноведения [Васильевский, 1872].

С. 765. В. П. Степаненко совершенно напрасно вводит читателей в заблуждение относительно смысла некоторых терминов из той главы нашей книги, которая посвящена войнам Византии с печенегами. Выражение «болгарские фемы» означает на страницах нашей книги именно византийские фемы, располагавшиеся на территории бывшего Болгарского царства, а не какие-либо иные фемы. Книга написана для компетентной аудитории, а не для неучей, которые считают, что коль скоро

армия Первой Французской Республики, действовавшая под командованием генерала Бонапарта в Египте и Сирии, называлась «Armée d'Orient», то, следовательно, в ней служили «восточные солдаты». Катастрофа византийской армии на Балканах в период, предшествующий приходу к власти Алексея Комнина, описана в статьях самого А. С. Мохова, на которые мы неоднократно ссылались. Данное обстоятельство делает бессмысленной критику В. П. Степаненко, который отсылает нас к статьям специалиста А. С. Мохова.

Анна Комнина действительно старалась оградить отца от подозрений в организации резни сдавшихся печенегов, о чем мы пишем в нашей книге. Анна Комнина сообщает, что резня произошла «без ведома императора». Насколько это неведение Алексея Комнина правдоподобно? — Этот вопрос не имеет положительного ответа, так как Анна Комнина — наш единственный источник по истории рассматриваемых событий. Ассоциации с НКВД-КГБ (в нашем тексте ВЧК-НКВД) и айнзацкомандами, отмеченные В. П. Степаненко, имеют значение тогда, когда мы пытаемся оценить масштабы резни, которая была описана Анной Комниной, и правдоподобность ее рассказа. Проблема заключается в том, что история XX в. предоставляет в распоряжение исследователя качественную документальную базу, на основании которой можно детально реконструировать те или иные акты массового террора, а средневековая историография такой базы предоставить не может. Профессиональный историк знает, например, что в период с ноября 1920 по март-апрель 1921 гг. органы ВЧК и особые отделы Южного фронта РККА уничтожили на территории Крыма от 56 000 до 120 000 человек, среди которых выделялись офицеры и военные чиновники Белой армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, а также выходцы из т. н. эксплуататорских классов, т. е. дворяне и представители интеллигенции. Можно привести более поздний пример. В апреле-мае 1940 г. органы НКВД расстреляли 4421 польских офицеров в Катынском лесу, 3820 польских офицеров в Старобельском лагере, 6311 польских офицеров в Осташковском лагере, 7305 польских офицеров в Харькове, Твери и в ряде других населенных пунктов. В итоге в течение двух месяцев было расстреляно 21 857 человек. Указанные акты террора совершались преимущественно с применением огнестрельного оружия, доставку приговоренных обеспечивал железнодорожный или автомобильный транспорт, тела жертв были захоронены на территории специально подготовленных полигонов. Как известно, все эти средства в XI в. отсутствовали. Наш вывод элементарен, и он заключается в ответе на вопрос, позволяли ли технические средства XI в. провести за одну ночь акт террора, описанный Анной Комниной, и уничтожить несколько десятков тысяч человек. Ответ очевиден: не позволяли. Следовательно, рассказ Анны Комниной о резне печенегов представляет собой исторический анекдот, рассказанный, возможно, еще совсем юной женщине ее отцом, Никифором Вриеннием, Георгием Палеологом или Татикием с целью произвести на принцессу впечатление и продемонстрировать масштабы поражения печенегов.

С. 766. На указанной странице В. П. Степаненко дает краткий очерк взаимоотношений между Византией и крестоносцами в период Первого крестового похода и отмечает, что мы посвятили этим отношениям очерк в двадцать страниц, хотя первоначально обещали не останавливаться на данной проблематике. Наш очерк в двадцать страниц действительно не претендует на ключевое значение в структуре нашей книги, но полностью игнорировать взаимоотношения императора Алексея и крестоносцев мы не могли по той простой причине, что Первый крестовый поход оказал серьезное влияние на эволюцию стратегии императора Алексея. От оборонительных войн император смог перейти к реконкисте в Малой Азии.

С. 767. Старая статья Вернера Зейбта, упоминая В. П. Степаненко, нам известна, как известна нам также и другая статья, в которой сам В. П. Степаненко в соавторстве с В. С. Шандровской на основании серии моливдовулов пытается отождествить Аспиета Анны Комниной с Аспиетом Пакурианом [Степаненко, Шандровская, 2006, 171–193, 174]. Нас интересовала не вероятность подобной идентификации и не родственные связи Пакурианов, а вероятные причины высокого назначения, которое,

по свидетельству Анны Комниной, получил Аспиет. Как известно, В. П. Степаненко не является специалистом в области ранневизантийской истории и в силу данного обстоятельства, вероятно, не знает о сообщении про армянских Аршакидов Прокопия Кесарийского. Совершенно непонятно то, какое отношение к проблеме источников Анны Комниной имеет текстология столь любимой В. П. Степаненко хроники Матфея Эдесского. Наша задача заключается не в том, чтобы определить место письма царя Ашота императору Иоанну Цимисхию среди различных источников Матфея Эдесского, а в том, чтобы понять, могла ли Анна Комнина использовать это письмо в своей работе, и если могла, то каким образом письмо попало к принцессе. То обстоятельство, что армянский перевод письма был заимствован хроникой Акопа Санаинца из архива Багратидов, никоим образом не может опровергнуть наше предположение о том, что копия письма могла быть вывезена в Константинополь из Ани вместе с другими документами из архива Багратидов после 1045 г. Более вероятным представляется как раз то, что армянский игумен при составлении своей хроники имел дело именно с переводом письма на армянский язык, в то время как оригинал письма на греческом языке попал в Константинополь в распоряжение Анны Комниной. Работала ли Анна Комнина с оригиналом, который когда-то получил Иоанн Цимисхий, или принцесса держала в руках греческую копию с оригинала, привезенную в Константинополь из Ани после 1045 г., неизвестно. Пассаж о манихеях имеет к теме исследования самое непосредственное отношение, так как генезис средневековых религиозных течений имеет важное значение для реконструкции их вероучения, определения их влияния и т. д. Стратегия последних лет правления императора Алексея освещена нами в главе, посвященной мятежу Лже-Диогена II, более известного как Девгеневиц.

С. 768. Приступая к критике выводов нашей книги, В. П. Степаненко задает серию вопросов, которые имеют право на существование, но не опровергают главный результат нашего исследования. Рецензент признает, что этот результат заключается в констатации факта: наемники и сеньориальные дружины «этерии» стали основой византийской армии и обеспечили Алексею Комнину военные победы. Мы обосновали наше заключение преимущественно анализом сообщений Анны Комниной, труд которой остается основным источником по византийской истории рубежа XI–XII вв. Под «русско-скандинавским вариантом византийской военной культуры» мы имели в виду, разумеется, варяжскую гвардию, развитию которой уделили в книге большое внимание. Стратиготское ополчение, воспетое в сочинениях многочисленных советских византинистов, с нашей точки зрения, сильно переоценено. Победы Фоки и Цимисхия были обусловлены не столько качеством стратиготского ополчения, сколько стратегическими талантами этих императоров и военным опытом армянской военной знати, выходцами из которой они являлись.

С. 769. «И это все», — восклицает рецензент, суммируя наши выводы. Каких открытий ожидает В. П. Степаненко, нам, конечно, неизвестно, но мы можем с уверенностью констатировать, что сделанных нами выводов более чем достаточно для того, чтобы признать Алексея Комнина не только крупным дипломатом и ловким интриганом, как традиционно оценивали этого императора, но и талантливым военачальником, быть может, наиболее талантливым в военном отношении византийским императором XII в. В. П. Степаненко упрекает нас в том, что мы оставили без внимания социально-экономические процессы, происходившие в Византийской империи, и социальную историю Византии. Между тем социально-экономические процессы, происходившие в Византийской империи и социальная история Византии требуют отдельного монографического исследования, в то время как наша книга посвящена исключительно военно-политическим аспектам политики Алексея Комнина, точнее его стратегии как императора и полководца. Здесь было бы уместно вслед за В. П. Степаненко процитировать Козьму Пруткову. Коль скоро «Никто не обнимет необъятного», — тогда и нам вполне допустимо сосредоточить наше внимание на страницах нашей книги на военно-политической деятельности императора Алексея.

В заключение нельзя не сказать следующее. В конце своей рецензии В. П. Степаненко делает нам риторическое замечание: «Возможно, автору удалось бы избежать многих ошибок, если бы его труд подвергся тщательному научному редактированию. Имело ли это место быть и читали ли его оба редактора, то нам неизвестно. По-видимому, все же нет» (с. 769). Поражаясь очередному примеру нарочитой неряшливости стиля В. П. Степаненко, мы спешим рассеять его мучительные сомнения — научное редактирование просто имело место, а не «имело место быть», как уже в стилистике героев Михаила Жванецкого выражается рецензент. Но на его риторическое замечание мы все же вынуждены ему риторически возразить. А читал ли сам В. П. Степаненко столь небрежно и недобросовестно написанную им или подписанную его именем рецензию, в которой император Алексей Комнин оказывается современником битвы при Босворте, битва при Абидосе и мятеж Адама Севастийского объявляются яко не бывшими, императрица Мария Аланская описывается цитатой из кинофильма Леонида Гайдая, а Анна Комнина — выражениями из рассказов Михаила Зощенко? Мы можем согласиться с В. П. Степаненко в том, что деградация современной академической жизни в России проявляется в качестве работ, «рождаемых из ничего». Но только начинается подобная деградация тогда, когда уважаемые университетские ученые десятилетиями не пишут монографических исследований, а предпочитают паразитировать на исследованиях своих коллег, порождая рецензии столь сомнительного качества, как та, которую мы вынуждены были столь долго разбирать на страницах данной публикации. В связи с этим весьма показательны последние слова рецензии В. П. Степаненко. «Это — не научная монография... причислить к научно-популярной литературе вряд ли возможно... автор — не в теме», — «припечатывает» рецензент автора рецензируемой книги. Если это так, отчего же рецензент уделил столько внимания подобной книге вместо того, чтобы употребить свои силы на написание собственной по-настоящему достойной монографии, дабы изданная им тридцать три года назад единственная монография не стала его первым и последним опытом написания собственной монографии и творчески разнообразила его многолетний опыт постоянного рецензирования чужих монографических исследований? В силу нашей исследовательской деятельности мы не считаем нужным более подробно останавливаться на цитатах памфлетного характера. Конечно же, мы ценим свободу слова каждого из наших критиков, но при этом мы оставляем такую же свободу слова и за собой. Это дает нам возможность честно и откровенно оценивать «научные» тексты, подобные рецензии В. П. Степаненко, которая, к сожалению, является удивительным примером научной недобросовестности и вызывает сомнения не только в компетентности ее автора, но и в научном уровне опубликовавшего эту рецензию сборника. Videant consules!

Нам остается пожелать В. П. Степаненко наконец-то отрешиться от работ коллег и заняться, видимо, давно забытым делом — научным творчеством...

Источники и литература

1. Агаджанов (1970) — *Агаджанов С.Г.* Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // Тюркологический сборник. М., 1970. С. 192–207.
2. Агаджанов (1973) — *Агаджанов С.Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973.
3. Агаджанов (1991) — *Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв., М.: Наука, 1991.
4. Агаджанов, Юзбашян (1976) — *Агаджанов С.Г., Юзбашян К.Н.* К истории тюркских набегов на Армению в XI веке // Палестинский сборник. Вып. 13 (76): Памятники письменности и литературы Ближнего Востока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1976. С. 144–158.

5. Бартольд (1968) — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 90–96.
6. *Беручаишвили Н., Бичикаишвили (2002) — Беручаишвили Н., Бичикаишвили И.* Новая атрибуция креста квирикхе Хахульского складня // *Византийский Вестник.* 2002. № 61 (86). С. 172–186.
7. Васильевский (1872) — *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1872. Ч. 164. Отд. II. С. 116–165, 243–332.
8. Васильевский (1874–1875) — *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII веков // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1874. Ч. 176. С. 105–144; 1875. Ч. 177. С. 394–451; Ч. 178. С. 76–152.
9. Вернадский (2000) — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.
10. Гордлевский (1941) — *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941.
11. Горелик (2002) — *Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.
12. Горелик (2010) — *Горелик М.В.* Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127–186.
13. Горелик (2015) — *Горелик М.В.* Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII века) // *Золотоордынская цивилизация.* 2015. № 8. С. 38–51.
14. Гусейн-Заде (2010) — *Гусейн-Заде Р.А.* Кавказ и Сельджуки. Баку, 2010.
15. Любарский (2012) — *Любарский Я.Н.* «Алексиада» Анны Комниной — шедевр византийской литературы? // *Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 262–278.
16. Материалы по истории туркмен (1939) — *Материалы по истории туркмен и Туркмени.* Том I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939.
17. Митрофанов (2006) — *Митрофанов А.Ю.* История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М.: Издательство Крутицкого подворья, 2006.
18. Митрофанов (2010) — *Митрофанов А.Ю.* Кодификация канонического права в период раннего Средневековья. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2010.
19. Митрофанов (2018) — *Митрофанов А.Ю.* Очерки по истории канонического права XI–XII вв.: Ансельм Луккский, Феодор Вальсамон, Нерсес Лампронский, СПб.: Издательство СПбДА, 2018.
20. Никоноров (1987) — *Никоноров В.П.* Вооружение и военное дело в Парфии. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 21–236
21. Никоноров, Худяков (2004) — *Никоноров В.П., Худяков Ю.С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб., 2004.
22. Симоненко (2009) — *Симоненко А.В.* Сарматские всадники северного Причерноморья, СПб., 2009.
23. Степаненко (1987) — *Степаненко В.П.* Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке, 1071–1176». Свердловск, 1988.
24. Степаненко (2020) — *Степаненко В.П.* Рецензия на: Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия, СПб., Издательство СПбДА, 2020, — 280 с. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2020. Вып. XXV. С. 755–773.
25. Степаненко, Шандровская (2006) — *Степаненко В.П., Шандровская В.С.* Татул и Пакурианы // *Античная древность и средние века.* 2006. № 36. С. 171–193.
26. Хазанов (2008) — *Хазанов А.М.* Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов (изд. 2-е, испр. и доп.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
27. Blochet (1910) — *Blochet E.* Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden; London, 1910.
28. Cahen (1988) — *Cahen C.* La Turquie pre-ottomane. Istanbul, 1988.

29. Garland (2002) — *Garland L. Byzantine Empresses, Women and Power* // *Byzantium ad 527–1204*. London, 2002. P. 180–198.

30. Garland, Rapp, 2006 — *Garland Linda, Stephen Rapp*, Mary “of Alania”: Woman and Empress between two Worlds // *Byzantine Women, Varieties of Experience, AD 800–1200*. Aldershot, 2006. P. 119–121.

31. Georgii Cedreni — *Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope* / Hrsg. von I. Bekker. Bonn, 1839. Vol. II. S. 444.

32. Golden (2006) — *Golden P. Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples* // *Contact and Exchange in the Ancient World* / Ed. by H. Mair. Honolulu, 2006. P. 136–157.

33. Ioannis Zonarae — *Ioannis Zonarae Annales* / Hrsg. von Th. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. Vol. III. S. 552–553.

34. Krumbacher (1891) — *Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. Muenchen, 1891.

35. Ljubarskij (2000) — *Ljubarskij J. Why is the Alexiad a Masterpiece of Byzantine Literature?* // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. by T. Gouma-Peterson. New York, London, 2000. P. 169–186.

36. Matthieu d'Édesse (1858) — *Matthieu d'Édesse, Chronique* / Ed. par Edouard Delaurier. Paris, 1858.

37. Mirchondi *Historia Seldschukidarum* (1838) — *Mirchondi Historia Seldschukidarum* / Hrsg. von. M. K. M. Khvand, J. A. Vullers. Giessen, 1838. P. 1–5.

38. Mitrofanov (2015) — *Mitrofanov A. Ecclésiologie d'Anselme de Lucques au service de Grégoire VII (1036–1086) : génèse, contenu et impact de sa „Collection canonique“* // *Instrumenta Patristica et Mediaevalia*. Turnhout: Brepols, 2015. T. 69.

39. Peacock (2010) — *Peacock A. C. S. Early Seljūq History: A New Interpretation*. London; New York: Routledge, 2010.

40. Peacock (2015) — *Peacock A. C. S. The Great Seljuk Empire*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.

41. Psellos (1926) — *Michel Psellos. Chronographie* / Ed. par Emile Renauld. Paris, 1926. T. I.

42. Psellos (1928) — *Michel Psellos. Chronographie* / Ed. par Emile Renauld. Paris, 1928. T. II.